

Чи Шэнь замер в крайнем изумлении. Глянув на окружающих, он понял: все уже давно заметили происходящее, но были настолько подавлены этой суровой расправой, что никто не смел и слова вставить.

Похоже, Фея Мэй, протеже Уродливой Матушки-Земли, хоть и владела техниками исцеления, сердцем была тверда и холодна как лед.

Обычный обед обернулся такой суматохой. Вернувшись в комнату вслед за Сян Тянью, Чи Шэнь сгорал от любопытства и принялся засыпать его вопросами:

— Наставник, методы Феи Мэй просто поразительны. Я всегда считал, что те, кто совершенствуется в стихии Дерева, учатся лишь спасать жизни. Не думал, что искусство убивать в их исполнении так открывает глаза.

— Женщинам на пути самосовершенствования приходится куда тяжелее, — ответил Сян Тянью. — На Пике Богини титулы «Мэй, Лань, Чжу, Цзюй» могут носить лишь четверо лучших под началом Матушки-Земли. Трое других удостоились этой чести лишь после сотни лет, и только Фея Мэй в сорок с небольшим достигла стадии Следования Сердцу. Она — главная претендентка на место следующей Матушки-Земли.

Заметив в глазах Сян Тянью искреннее восхищение, Чи Шэнь недовольно поджал губы:

— Судя по вашим словам, эта Фея Мэй и впрямь выдающаяся личность. Но если вы, наставник, совершите прорыв в один миг, то добьетесь того же на десяток лет раньше. Так что она, может, и лучше тех, кто внизу, но до вершин ей далеко.

У Сян Тянью потеплело в ушах. Эти слова показались ему до боли знакомыми. Он погрузился в воспоминания, а голос стал еще мягче:

— Твои рассуждения всегда напоминают мне об одном человеке...

Сердце Чи Шэня екнуло, и он выпалил:

— О ком же?

Однако на сей раз Сян Тянью не ответил.

— На Пике Богини в основном практикуют стихию Дерева, — продолжил он. — Раньше они опирались лишь на искусство алхимии, завися от Горы Тростника и других крупных сил. Но затем появилась Уродливая Матушка-Земля, чьи достижения в медицине и боевых искусствах оказались запредельными. За триста лет она достигла высот, позволяющих замахнуться на стадию Контроля Истока.

Чи Шэнь задумался и невольно ахнул:

— Ступенью выше Контроля Истока стоит лишь Владыка Юань — единственный и непобедимый под небесами. Это и впрямь невероятно.

Сян Тянью улыбнулся и покачал головой:

— В глубинах Главного пика Горы Тростника совершенствуются наш Великий глава и трое Старейшин-хранителей. Каждому из них более пятисот лет, их мощь неизмерима, а за спиной — десяти тысячелетнее наследие школы. И даже они не перешагнули порог Контроля Истока. Ты и впрямь веришь слухам, будто Уродливой Матушке-Земле не хватает всего лишь одного шага?

Чи Шэнь все понял и пробормотал вполголоса:

— Боюсь, даже если остался лишь один шаг, он будет стоять дороже и окажется опаснее всего предыдущего пути.

Увидев, что Сян Тянью лишь загадочно улыбается, Чи Шэнь спросил снова:

— Раз уж наши отряды встретились, мы выступим завтра?

— Не спеши. На пути к Морскому поместью Цюнлинь бесчисленное множество городов, но мы специально выбрали Город Падающей воды. На то есть важная причина, — Сян Тянью не торопился раскрывать карты, подогревая интерес. — Через несколько дней в городе станет по-настоящему жарко, ведь откроется Рынок азартных пари.

— Рынок азартных пари? — Чи Шэнь нахмурился. — Все, что связано со словом «игра», редко доводит до добра.

Вид серьезного красавца-юноши заставил Сян Тянью невольно усмехнуться:

— Твой характер совершенно не вяжется с внешностью. Видно, не зря говорят: не суди о человеке по лицу. Ты прав, многие здесь ломают себе шеи, но еще больше людей стекаются сюда, привлеченные славой этого места. В каждом сердце живет надежда на случай. Каждому кажется, что именно он — избранник небес, который выйдет сухим из воды и в одночасье превратится в богатого мастера, владеющего неисчерпаемыми запасами духовных камней.

Чи Шэнь лишь покачал головой с легкой усмешкой, явно не одобряя подобный склад ума. Сян Тянью спросил:

— Похоже, ты презираешь тех, кто ищет легкой наживы? Ах, я и забыл — ты ведь молодой

господин Поместья Поклонения Цветам. Тебе достаточно пожелать чего-то, и это тут же исполнят. Откуда тебе знать нужду тех, чей кошелек пуст?

«Брат, ну как ты можешь быть обо мне такого мнения?» — подумал Чи Шэнь. Сегодня он во что бы то ни стало решил прояснить этот момент.

— Раз уж я стал вашим слугой, наставник, я не могу оставить ваши слова столь предвзятыми. Позвольте мне высказать все, что я думаю. — Чи Шэнь заговорил уверенно: — Если человеку действительно что-то необходимо, он использует любые средства, чтобы заполучить это. И если одна ставка дает такой шанс, кто откажется? Я не исключение. Мое мнение таково: в самом азарте греха нет, но вот страсть к игре — это величайшее заблуждение. Ибо исход для любого игрока всегда один — полный крах!

— О? — интерес Сян Тянью разгорелся с новой силой. Он приподнял бровь. — Продолжай.

— Человеческая алчность не знает границ. Независимо от того, выиграл ты или проиграл, за первой ставкой последует вторая, а потом — бесконечная череда новых. Если обычный мастер сойдется в схватке с мастером азартных игр, то, если только ему не поможет само провидение, поражение предрешиено с самого начала. Но даже если мастер играет против мастера — кто осмелится заявить, что он непобедим? Лошадь может оступиться, человек — ошибиться. И если мастер просчитается в игре, у него почти нет шанса уйти невредимым. А потому, если рассматривать игру как невинное развлечение на пути совершенствования, в этом нет беды. Но если сделать ее необходимым средством для роста силы и погрузиться в нее с головой — это верный путь к саморазрушению!

Чи Шэнь заметил, что Сян Тянью смотрит с еще большим воодушевлением, чем когда тот хвалил Фею Мэй. В груди у него разлилось тепло, словно летний дождь наполнил колодец до самых краев. Он слегка склонил голову и обезоруживающе улыбнулся:

— Наставник, как вы считаете, прав я или нет?

В горле у Сян Тянью пересохло. Он невольно сглотнул, чувствуя, как сбивается дыхание, а сердце начинает частить. Пришлось срочно сосредоточиться на дантяне, чтобы усмирить взволнованный дух, но сияющая улыбка юноши перед ним никак не желала исчезать из памяти.

— Сказано просто превосходно! — Сян Тянью не поспешил на похвалу.

Если раньше, разглагольствуя, Чи Шэнь держался уверенно и непринужденно, то от этих четырех слов его щеки залил румянец, и он смущенно опустил взгляд.

— Впредь не называй меня наставником. Это звучит слишком официально и отчужденно. Я хоть и старше тебя на одиннадцать лет, но для тех, кто идет путем совершенствования, это не разница. Можешь звать меня братом Сяном.

Сюрприз был столь внезапным, что Чи Шэнь не решился сразу согласиться.

— Но я всего лишь слуга... Боюсь нарушить правила и иерархию пика, — пробормотал он.

Сян Тянью отмахнулся:

— На самом деле, зная твое происхождение, я лишь наполовину всерьез заговорил о службе, скорее хотел поддразнить тебя. Иначе, узнай об этом твоя матушка, она бы мигом явилась на Неподвижный пик проучить меня, невежественного наглеца. У меня есть все, кроме надежного лекаря. Я планировал испытать тебя еще немного, а затем позволить начать путь ученика-травника, чтобы в будущем мы могли поддерживать друг друга. Но за это время я увидел, что твой характер и взгляды вызывают лишь глубокое уважение. Это совершенно не вяжется с тем, что говорят о тебе другие. А потому сегодня я официально прошу тебя: давай станем названными братьями.

Чи Шэнь, покраснев, закивал, словно боясь, что Сян Тянью передумает.

— Я буду только рад! Брат Сян...

Сян Тянью и сам заметил, что после встречи с Чи Шэнем его слова и поступки то и дело выходили за рамки привычного. Он не терял самообладания, но от былой ледяной сдержанности не осталось и следа.

Раньше Сян Тянью мало что заботило в этом мире, разве что учитель Лин Юй был ему дорог. Бай Чжоу часто называл его человеком с вечной улыбкой на губах и холодным сердцем.

Но теперь, глядя на Чи Шэня, он невольно вовлекался в водоворот чувств, оживал и всем сердцем желал узнать этого человека как можно лучше... При этой мысли он на миг помрачнел.

— Брат Юнь... — негромко позвал он.

Они стояли друг против друга, называя друг друга братьями, и в голосах их слышалась странная робость, словно они хотели сказать что-то еще, но не решались. Со стороны это выглядело как тайное свидание влюбленных, полных неизбывной нежности.

Чи Шэнь первым почувствовал, как атмосфера становится слишком густой. Он принялся оглядываться по сторонам, пытаясь найти тему для разговора:

— Брат Сян, брат Сян...

Хотелось что-то сказать, чтобы разрядить обстановку, но ни единого слова не шло на ум.

Сян Тянью улыбнулся, подвел его к стулу и усадил. Легким движением руки он достал две фарфоровые чашки и поставил на стол, затем вынул небольшую яшмовую бутылку со столетним вином.

— У меня есть предложение. Давай сегодня выпьем по чаше и станем братьями перед лицом Неба и Земли. Отныне и навсегда — рука об руку, плечом к плечу!

Чи Шэню был знаком этот обычай. Он отодвинул изящные фарфоровые чашки в сторону и достал из своего пространственного кольца две маленькие чарочки из белого нефрита.

— Фарфор красив, но слишком вычурен, — улыбнулся он. — Чистый белый нефрит куда больше подходит к этой бутылке. Он лучше выразит чистоту наших помыслов.

Сян Тянью не возражал. Он наполнил свою чару до краев, а затем отплеснул половину в чарочку Чи Шэня.

Они чокнулись и разом осушили их. Вино обожгло горло, скрепляя клятву. Сян Тянью со светлой улыбкой поставил чашу на стол, но Чи Шэнь внезапно вскочил. Лицо его стало предельно серьезным. Он с силой швырнул свой нефритовый кубок на пол. Раздался звонкий треск, и белый камень разлетелся на тысячи осколков.

— Пусть эти осколки станут моими свидетелями! Чувства мои пребудут вечно, пока живы Небо и Земля. Отныне и впредь: пусть богатство и слава достаются тебе, брат, а все беды и страдания я возьму на себя одного. Если в моем сердце зародится иная мысль — пусть постигнет меня участь этой чаши!

Сян Тянью изменился в лице. В памяти вихрем пронеслись картины прошлых лет. Он резко встал, замер на мгновение, пытаясь успокоиться, а затем вдруг горько усмехнулся:

— Брат Юнь, ты неверно принес клятву. Раз мы братья — значит, и радость, и горе делим поровну. И в трудный час брат всегда должен защищать младшего. Иначе какой из меня старший? Такая клятва мне не по вкусу!

Сян Тянью потерял самообладание лишь на миг, но Чи Шэнь успел заметить яростную тень, промелькнувшую в его взгляде. «Брат так и не смог забыть то, что случилось тогда», — вздохнул он про себя. Сейчас спорить было бессмысленно, так что он решил согласиться на словах, а если придет беда — никакие клятвы не удержат его от того, чтобы закрыть брата собой.

Заметив, что Чи Шэнь согласно кивнул, Сян Тянью немного расслабился. Вдруг он вспомнил кое-что и спросил:

— Постой, почему ты только что назвал меня просто «братом»? Разве не должен был сказать

«брат Сян»?

<http://bllate.org/book/17417/1662794>